

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВОЙНЫ

(имя в русскоязычной поэзии Беларуси: Юрий Сапозжков)

В статье анализируются стихи о войне Ю.М. Сапозжкова сквозь призму того, что поэт, которому в 2010 году исполнилось 70 лет, принадлежит к поколению детей Великой Отечественной войны (в отличие от поколения победителей, поколения участников войны). Чувство вины перед павшими героями, которые одновременно были их отцами или старшими братьями, и лечит, и калечит детей войны: именно это сложное мировосприятие передано в стихах.

The article represents analysis of war poetry of Y.M. Sapozhkov in the light of the fact that the poet, who turned 70 in 2010, belongs to a generation of the Great Patriotic War children (as opposed to the generation of victors, the generation of war veterans). Both curative and destroying guilt – that's what they feel before the deceased heroes, who were at the same time their fathers and elder brothers. This complicated perception is shown through the verses.

Поэт Юрий Михайлович Сапозжков, которому в 2010 году исполнилось 70 лет, принадлежит к поколению детей Великой Отечественной войны.

Дети войны – это родовая отметина поколения, такая же характерная, как, скажем, потерянное поколение или поколение победителей. Дети войны – это особое мироощущение, особое отношение к войне, к миру, к человеку, к радости и боли. Их мировосприятие навсегда скорректировано «военной составляющей». Если ребенку довелось родиться и жить во время войны, чувствовать ее дыхание и ритм, следовательно, несмышлениш обречен был бессознательно принимать в ней участие, по-своему воевать, примеряя к себе героические сюжеты и атрибуты. Разумеется, дети играли в войну, в «наших» и «фрицев», совершая подвиги и погибая, – то есть жили войной. И поскольку дети войны оставались прежде всего детьми, худо-бедно малолетством защищенные от непосредственного участия в сражениях, они, повзрослев, начинали испытывать нечто вроде комплекса вины перед теми, кто с войны не вернулся. Игравшие в войну в итоге победили и выжили, а те, кто воевал, часто погибали. Даже поколение победителей, тех, кто воевал и, к счастью, остался жив, обречено было ходить по земле без вины виноватыми, до конца дней своих

изживать это недомогание героя, которому, к сожалению, повезло. А.Т. Твардовский очень чутко и точно запечатлел интимно-героический осадок в скупых, и оттого вместивших многое невыразимое, строчках:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же...*

Примерно то же самое испытывают без вины виноватые кругом обделенные дети войны. Чувство вины перед павшими героями, которые одновременно были их отцами или старшими братьями, и лечит, и калечит: если человеку дано переживать подобное, то это становится своего рода проклятием; а если человек счастливо очерствел душой, то его также можно причислять к жертвам войны. Это проклятое «все же» остро со всех сторон...

Правда в том, что война не красит людей.

Но правда также и в том, что великая и справедливая война порождает высокий строй чувств, которые украшают человека.

Стихи очень подходят для выражения подобного сложного в своей простоте мировосприятия.

В 2004 году Юрий Сапожков издал книгу стихов о войне «Письмо другу». Книжка представляет собой треугольник солдатского письма, без марки и конверта, которые отправлялись полевой почтой. Таким образом, формат фронтового общения поэт сделал эталоном содержательного человеческого общения в принципе: перед лицом смерти фальшь и пустые слова становятся эстетически безобразными, а точное и правдивое слово превращается в стихи. Мера этического становится мерой эстетического. За точными словами стоят честные чувства. Их невозможно сымитировать. Чтобы написать письмо другу и отправить его на фронт, надо принадлежать к поколению детей войны:

В стихотворении «Другу», открывающем сборник, поражает умение обнаружить пафос в обыденности, и при этом не выпячивать его, сделать атрибутом повседневности, растворить в жизни и судьбе (что, конечно, тонус жизни повышает, а судьбе добавляет измерение, которое принято называть «не хлебом единым»):

*Когда бывает в жизни туго
И сил исчерпаны запасы,
Простые строки писем друга
Нужны мне как боеприпасы.
А если нет тех строк бодрящих,
Хожу потерянным, пропащим,
И кажется почтовый ящик
Пустым, ненужным патронташем.*

В таком же ключе сделано «Завещание отца».

*Меня бессмертьем Родина
Посмертно наградила.
Отверстие для ордена
Мне пуля просверлила.
Жизнь принимал в открытую,
И встретил смерть не в спину.
Шинель свою пробитую
Велел примерить сыну:
Испытанная, давняя
Примета мне известна –
Не быть двум попаданиям
В одно и то же место.*

Лучшие стихи Юрия Сапожкова вообще, и составляющие «военный» сборник в частности, обманчиво просты. Как правило, они держатся на одной магистральной метафоре, на метафорически осмысленной ситуации, которая расцветивается мелкими, служебными метафорами (второстепенными, если так можно сказать). Получается ветвистое поэтическое сооружение – метафора из матрешек, спрятанных одна в другую.

Иногда эта ситуация в концовке афористически оценивается и подается как своего рода «мораль» (см. «Завещание отца»):

*... Мы незаметно их [героев – А.А.] перерастаем,
Всю жизнь мечтая дорости до них*
«Портреты героев»
*А, может, вспомнил [престарелый ветеран – А.А.] –
Раньше перед боем
Вот так же оставляли адреса?..*
«Адреса».

Магистральная метафора определяет своеобразие «Ночной тишины», «Бессмертия» – практически всех других стихотворений.

В эти стихи о войне надо вжиться, чтобы разглядеть очевидное (которое на первый взгляд не бросается в глаза, далеко не очевидно): отношение к войне, подсказанное судьбой и натурой поэта, становится поэтическим приемом. Юрий Сапожков продляет войну в современность. Для него война продолжается и никогда не заканчивается, что надо понимать следующим образом: человеческая суть, которая на войне обнажается, в мирное время не становится другой; если посмотреть на человека предельно честно, если мысленно поместить его в ситуацию войны (в экстремальную, пограничную, экзистенциальную ситуацию), о человеке узнаешь много интересного.

Перед нами, если угодно, поэтический взгляд на вещи, поэтическое видение, обогащенное опытом поколения детей войны. В данном контексте определение поэта может быть таким: человек, который в своих стихах на себя и на других способен посмотреть глазами человека войны, чтобы разглядеть его беззащитность.

На самом деле, это, конечно, мирный взгляд, в нем нет ничего кровожадного; однако в нем есть «немирная» обостренность, непримиримость к душевным порокам. Это, конечно, в известном смысле романтический взгляд.

Вот почему в стихах Юрия Сапожкова нет войны как таковой, есть переключки с войной. Как, например, в «Игре».

*На круче, где вихрем пехота
Прошла, поредев от потерь,
Осевшие, мрачные доты
Стреляют цветами теперь.
И Ленька – соседский мальчишка,
Овсяные брови вразлет –
На красные беглые вспышки
Совсем по-отцовски ползет.
Последним усилием под дула –
И вот уже рядом. Пора!..
А я в ту минуту подумал,
Что это у Леньки игра.*

Лучшие произведения о войне – всегда не о войне. И все же реальное, неигровое мироощущение детей войны не дает покоя. Есть матрешечка и с таким содержимым...

Парадоксально: в стихах Юрия Сапожкова о войне нет ненависти. Даже военные орудия, железно-стальные пушки, сеющие смерть, он видит вполне в гуманистическом ракурсе («Пушки»):

*Водят дулом,
Смотрят косо,
Но пока еще не бьют –
Наводящие вопросы
Немцу пушки задают.*

Это логично и естественно: стихи, настоящие стихи, призваны славить жизнь, даже если они оплакивают смерть. Одно из последних стихотворение сборника «Отец» (памяти М.Д. Сапожкова) напрямую не связано с войной, однако оно помещено в сборник, и по логике *ситуаций* имеет отношение к внутреннему сюжету книги.

*Отец мой там, где листьев всхлипы
Над свежекрашеной оградой.*

*Отец мой там, где корни липы
Вчера обрублены лопатой.
День новый ясной мыслью начат:
Там холодно, темно и влажно.
Но там отец, и это значит,
Что уходить туда не страшно.*

После этого следует «Любовь» – опять же, вне контекста войны, но в контексте книги. Все верно: война – это всегда стычка Эроса и Танатоса. Если жизнь продолжается, следовательно, победил Эрос.

*В семнадцать – праздничная новь.
Когда тебе за тридцать – благо.
А после сорока любовь –
Души великая отвага.
Ты всем пожертвовать ей рад,
Хоть бездна жертв не возвращает.
А в шестьдесят?
А в шестьдесят
Любви, я думал, не бывает.*

Таким образом, «Письмо другу» – это поэтический отчет о том, что война была не напрасной, что души победителей уцелели и настроены на дружбу, любовь и память. Не на войну.